

1949 — 1990 — 17 окт

Встреча с писателем

Анатолий ПРИСТАВКИН: НЕТ, Я НЕ БЫЛ БУНТАРЕМ

Анатолия Игнатьевича Приставкина представлять читателям нет необходимости. У всех «на слуху» его последние повести «Ночевала тучка золотая», «Кукушата»... Выступал он и на страницах «Труда», что вызвало поток откликов читателей, переданных писателю. И вот сегодня — новая встреча.

— Многим памятна ваша повесть «Солдат и мальчик». Затем появились «Тучка», «Кукушата». Каждая из этих книг посвящена одной теме — дети войны.

— Да, дети войны — это боль всей моей жизни. Я сам детдомовец, пришлось пережить и пережить многое из того, о чем я рассказываю в своих книгах. «Тучка» повествует о репрессиях по отношению к целым народам, особенно болезненно ударивших по детям, которые становятся невинными жертвами сталинского геноцида. И «Кукушата» — о детях репрессированных. О мертвящей обстановке режимных спецлагерей, убивающих живые детские души.

— Как вы назовете вашу трилогию?

— Думаю вывести в название подзаголовок к «Кукушатам», а именно «Жалобная песнь для успокоения сердца». Это название первого лирического стихотворения мира, дошедшее до нас на дощечках от шумеров. Известно, что тема этого лирического стихотворения — тоска одинокого человека, который не знает, о чем он тоскует и как ему выжить...

— А что нового, не известного читателю, вами написано?

— Следующая книжка уже готова, она называется «Рязанка». Но новая она весьма относительно, так как начата 25 лет назад. Эта книга о сталинской юности моего поколения, перемолотой в чудовищной мельнице. Рязанка — это железная дорога, каждая станция обозначена каким-то местом, важным для автора, связанная с каким-то моментом его биографии — где-то он родился, где-то жил, где-то находятся его родители и т. д. И каждый раз рассказывается история людей, которые сейчас уже не существуют. И автор доходит до последней станции, как бы теряя кусок за куском своей души... Роман большой, трудный, я писал его около четверти века, закончил в 1983 году.

— Не слишком ли вы сосредоточены в своих книгах на прошлом?

— Видите ли, я смею надеяться, что и «Тучка», и «Рязанка» — вещи остро современные. Ведь жизнь устроена таким образом, что вечные проблемы, такие, как доброта и жестокость, ум и бесстыдство, надежность и предательство, остаются всегда, и каждое поколение их решает по-своему, но во многом они совпадают. Кроме того, у меня есть вполне современный роман, который был напечатан не под своим первоначальным названием «Городок «Вор-городок» — о русских умельцах, которые бродят по России и не могут найти себе места, а когда они его находят, то все равно их жизнь стонет, как стонет она нынешние кооперативы, ибо современная жизнь уничтожает индивидуальность.

— Роман напечатан. Как долго он пролежал на вашем столе?

— Меньше семи лет у меня не лежала ни одна вещь. «Солдат и мальчик» лежал 11 лет и т. д.

— Как и когда вы начали писать?

— Я начал с детдомовской темы, которая была мне очень близка. Мои маленькие рассказы были опубликованы в журнале «Юность», редактируемом в те годы Валентином Петровичем Катаевым.

— Я помню ваши лирические рассказы «Селигер Селигерович», «Пушенька», «Белый холм». Они наполнены нежностью ко всему живому на Земле...

— У каждого человека есть своя «экологическая площадка», то гнездышко в истории, которое согревает душу и поддерживает в трудные минуты жизни. Таким «гнездышком» для меня является время Алексея Михайловича. Я уже 15 лет пишу роман об этом историческом времени. Мне понадобилось для этой цели съездить в Швецию, чтобы посмотреть материалы XVII века, об отношениях шведов и русских. Три дня работал под Стокгольмом, в университетской библиотеке, чтобы познакомиться с хранящимися там рукописными книгами русских эмигрантов. Это для меня тема вечная, я не тороплюсь с ней, отношусь к этой работе очень серьезно.

— Какова ваша писательская почта?

— Больше тысячи писем я получил только на «Тучку». Но и много писем, дневников от бывших детдомовцев. Например, письмо от воспитанницы детдома в Томилине (под Москвой) Вали Хрулевой, где воспитывался и я. Меня она, правда, не помнит, но ее воспоминания очень точны и волнующи, так как возвращают к тому забываемому времени. Ее я зрительно помню.

— Какова судьба ваших сверстников-детдомовцев?

— Для многих она сложилась трагически. Они попали в режимные спецдома, тюрьмы, и уголовный мир брал нас в свои цепкие объятия. К тому же сталинская система способствовала моральному и физическому уничтожению этих ребят. Я получил письмо от одного человека, который украл в 1942 году буханку хлеба, и его посадили в первый раз. И с этого все началось... Он просидел в тюрьмах 30 лет! Но несколько писем было совершенно светлых. Одно из них, например, от человека, который рассказывает, как в детстве в Алма-Ате, где он воспи-

тывался, были эвакуированные из Ленинграда воспитатели: они учили его музыке, танцам. «Они спасли мне жизнь при помощи искусства. И теперь я хочу передать эту любовь к прекрасному детям-сиротам моего поселка: собираю для них слайды, музыкальные записи, стараюсь приобщить их к искусству», — вот смысл этого письма.

— Считаете ли вы, что нынешнему юному поколению живется легче?

— Молодым никогда не бывает легко! Тем более в наше, экологически тяжелое время, когда, как утверждает статистика, каждый третий ребенок рождается с тяжелой патологией, а каждый второй ребенок, выходящий из школы, — полунвалид. Не только нравственно, но и физически. И я прихожу к грустному выводу, что нынешним подросткам живется ничуть не легче, чем жилось нам.

— А что собой представляет новое поколение молодых литераторов?

— Я прочел 120 работ поступающих в Литературный институт. Это вполне объективное зеркало. Оно показывает, что авторы этих работ асоциальны. Лишь единицы чувствуют политическую обстановку в стране. Остальные предпочитают уход в фантазию, они во многом мистически настроены, ожесточены, это очень тревожит.

— Каким вам видится будущее нашего общества?

— Боюсь, что на вопрос о будущем сегодня ни один социолог, ни экономист, ни серьезный писатель не ответит оптимистично.

— Вы — член КПСС. И как вы сегодня относитесь к тому, что в ней происходит?

— Да, я член партии очень давно. Я не был никогда бунтарем против нее. Однако недавно в Риге я выступил с антипартийной программой, с оценкой роли партии большевиков в истории. Но так как я стою на демократической платформе, это пока не требует моего выхода из партии. На собрании в Союзе писателей я выступил с призывом организовать секцию социал-демократической партии внутри Союза писателей, чтобы отмежеваться от того коммунизма, который проповедовался сталинизмом. К сожалению, меня в Союзе писателей не поддержали.

— Были ли вы в комсомоле?

— Я был типичным «винтиком» в этой машине. В свое время я поехал вместе с другими сверстниками на Братскую ГЭС: хотел положить свой кирпич в построение коммунизма. Я был такой же, как все.

— Когда же произошло прозрение?

— В 60-е годы, когда наступила «оттепель». Это был очень серьезный момент в моей жизни. Я печатался в катаевской «Юности», это было светлым, каким-то оттаивающим окошком. Другим окошком, для меня гораздо более серьезным, было появление Солженицына. И третьим отрадным моментом было появление в моей жизни друзей Солженицына, например Л. Копелева; без близкой дружбы с ними я бы «Тучку» никогда не написал. Мы чуть-чуть хлебнули свежего воздуха в хрущевскую оттепель, и это помогло нам дожить до перестройки.

— У вас не было желания уехать?

— Нет, я не мог этого сделать. Хотя меня отключили от литературы. Чтобы как-то жить, я подрабатывал, выступая перед читателями. И вот однажды я ездил по Северу, в Воркуте встретился с юношеской аудиторией в местном ТЮЗе; как всегда, правдиво рассказывал о Солженицыне, Копелеве и других. На меня поступило пять доносов. В результате меня совсем перестали печатать. И все-таки я не уехал, так как жизни вдали от Родины себе не представлял.

— Очевидно, писатель должен поддерживать перестройку не словами, а новыми книгами? А их что-то пока не густо!

— Я могу сейчас сесть писать эпопею — ну, «Войну и мир», например. На это уйдет 10—15 лет. За это время в стране произойдут изменения. А я, значит, въеду в рай на чужой лошади. А если сегодня я дам вам интервью, напишу короткий рассказ, откликнусь на какое-то важное международное событие, может быть, я сейчас большего достигну? Вечная литература должна делаться, но это революционные времена, когда от одного грамма, принесенного мышкой, могут перевесить весы. Существует потребность непосредственно вмешаться в сегодняшние события. Иначе писатели могут проиграть все, а ведь именно они всегда занимали важное место в общественной жизни страны. Писатели всегда были на высоте. И не только у нас, но и в других странах — Чехословакии, Польше...

Если писатель выступает перед аудиторией, то большинство записок ему касается не столько литературы, сколько жизни страны. Ибо писатель в ответе за все — и за Чернобыль, и за экономику, и за культуру.

Вела беседу
Валентина ЖЕГИС.

ПЕРЕДЕЛКИНО.